
ВЪСЪТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 20.

ОКТАБРЬ. 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Осада Коринѳа.

(Соч. Лорда Байрона.)

Въ 1715 году Великій Визирь, желая проложитъ себѣ путь въ Морею и овладѣвъ главнымъ ея городомъ (Наполи ди Романія), осадилъ сперва Коринѳъ. Послѣ многократныхъ присшуповъ, гарнизонъ Венеціанскій ослабѣлъ до такой степени, что Губернаторъ, не видя возможности сопротивляться превосходной силѣ, принужденъ былъ вступить въ переговоры о сдачѣ. Въ самое то время какъ съ обѣихъ сторонъ соглашались объ условіяхъ, сдѣлался пожаръ въ Турецкомъ шанѣ: пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ и семь сотъ челоуѣкъ лишилось отъ того жизни. Сіе происшествіе, случившееся впрочемъ само собою, привело въ бѣшенство невѣрныхъ: они нехо-

пѣли болѣе слышать о переговорахъ, сдѣлали опчаянной приступъ, и въ ночь же день овладѣли Коринѳомъ. Почти весь гарнизонъ и Губернаторъ Миношти преданы были смерти. Оставшіеся въ живыхъ солдаты, съ Чрезвычайнымъ Проведоропомъ Антонио Бембо, взяты въ плѣнъ и-приащелемъ. (*Hist. des Turcs*, vol. III, pag. 152.)

Н.В. Главный городъ въ Мореѣ нынѣ уже не Наполи ди Романія, а *Триполица*, мѣсто пребыванія Паши и правительсва. Наполи лежишь близъ Аргоса. Я посѣщаль сіи три города въ 1810 году и въ 1811 мѣ. Путешествуя по Греціи, восемь разъ перѣѣзжалъ я Коринѳской перешеекъ, слѣдуя по изъ Аппики въ Морею черезъ горы, по по направленію отъ Аѳинскаго залива къ Лепантскому. Сіи дороги весьма непоходятъ одна на другую, но обѣ прекрасны, обѣ окружены живописными видами. Путь черезъ море нѣсколько однообразенъ: но какъ земля всегда передъ глазами, и весьма часто надобно плыть у самаго берега; по острова Саламина, Егина, Поро и другіе, равно какъ и самой материкъ, представляють великолѣпныя картины. (*Примѣч. Лорда Байрона.*)

I.

Годы и вѣки, дыханія бурь и опустошенія браней прошекли надъ Коринѣомъ; но онъ еще возвышается, какъ птвердыня, предназначенная защищать свободу. Ярость вѣтровъ, удары землетрясеній не возмogli поколебать древней скалы его — среднопочнаго камня страны, хотя утратившей свою славу, но еще сохранившей остатокъ гордости. Перешеекъ, двойнымъ печеніемъ волнъ безпрестанно шѣсимый, пропону-полагаетъ нашествію моря непобѣдимую преграду: волны или съ прескомъ сокрушаются, ударяясь о несокрушимую высоту берега, или ревушъ, пресмыкаясь у его подножія. Но если бы вся кровь, на сихъ берегахъ пролишая съ того дня, когда Тимолеонъ обогрилъ ихъ кровію своего брата даже до постыднаго пораженія Царя Персовъ, если бы вся кровь, которою сія земля убійствъ напишана, вдругъ изверглась изъ ея утробы: новый океанъ червлеными своими волнами покрылъ бы перешеекъ, нынѣ далеко вдавшійся въ море. Если бы можно было собрать въ одно мѣсто бѣлыя кости всѣхъ людей, пожатыхъ здѣсь войною; тогда увидѣли бы возносящуюся до небесъ пирамиду, ровную горѣ *Акрополису*, которой гордая вершина скрывается въ облакахъ.

II.

Двадцать тысяч копій сверкають на горѣ Кие-ронѣ, и съ самой высоты ея даже до обихъ береговъ возносятся шапры военные. Луна сіяетъ передъ рядами Мусульманъ, построенныхъ въ боевой порядокъ. Каждое полчище *Спаговъ* спойтѣ подъ предводительствомъ Паши брадашаго, и на всемъ пространствѣ, которое взоръ лишь окинуть можетъ, видно ополченіе сыновъ Оптомановыхъ. Между ними примѣсны и Арабъ съ послушнымъ своимъ вѣблюдомъ, и Тапаринъ искусный управлять быспрымъ конемъ своимъ, и Туркоманъ, которой, оставивъ свое сипадо, вооружился мечемъ ужаснымъ. Громы пушекъ раздаются въ горахъ, подобно гуламъ небснаго грома. Уже и ревъ морскихъ волнъ неслышенъ болѣе среди заглушающихъ звуковъ: оплогіе рвы топовы; ядро, сей посланникъ смерти, съ зловѣщимъ свистомъ испоргается изъ мѣднаго своего влагалища и спремится поколебать огражденія пвердыни, уже близкія къ разрушенію. Но и осажденные умѣютъ отвѣтствовать нападенію невѣрныхъ, и осажденные въ свою очередь посылаютъ гибель къ невѣрнымъ сквозь пучи дыма и пцали.

III.

Кшо сей вражескій воинъ, всегда первый во время приспуца? Извъ встѣхъ чши-

пелей Аллы онъ опытивъшій въ ненавистномъ искусствѣ браней; гордъ и люте какъ вождь, обывшій веспи прямо къ побѣдѣ; онъ вдрутъ на всѣхъ мѣстахъ, и вездѣ готовъ показашъ новый подвигъ; шуда успрямяетъ онъ своего коня, гдѣ брань кипитъ самая кровопролитная. Видитъ ли упорно защищаемую бойницу, — онъ сходитъ съ коня и одушевляетъ мужество въ опшупающихъ опъ огня войнахъ. Онъ ужаснѣе всѣхъ, подъ знаменемъ Луны рашующихъ, предшествуетъ ли своимъ сподвижникамъ, или спускаетъ въ рукъ своей пружину орудія огнеспрѣльнаго; вооруженъ ли копьемъ, или описываетъ круги широкимъ мечемъ своимъ. Се Альць, опшупникъ вѣры, сынъ Адриашки.

IV.

Онъ получилъ жизнь въ Венеціи, гдѣ обивали его знаменитые предки; но бывъ изгнанъ, обратился прошивъ опечесства оружіе, полученное имъ опъ опечесства, и нынѣ чело его покрыто чалмою. Коринѣ и Еллада, послѣ многихъ превратностей съ ними, подпали наконецъ законамъ Венеціи. Въ числѣ враговъ Хрїстіянства, опшупникъ Альць кидѣлъ яростію, обладающею шѣми, которыхъ память жестокой обиды заспавила приняшъ новую вѣру. Ни Венеція, ни доспославное имя свободы уже не шрогали узавленного его

сердца. Обвинители подлые, скрывшіе имена свои, вложили доносъ въ разверзшыя челюсти льва Св. Марка (*), и Альфъ осужденъ былъ на погибель безъ предварительныхъ о винѣ его измысканій; но онъ имѣлъ время спасти бѣгствомъ жизнь свою, обреченную къ подвигамъ рашнымъ. Онъ показалъ своему опечесству, чего лишилось оно, извергнувъ изъ вѣдръ своихъ шакого челоуѣка, копорой, окружая Луну шоржесствами побѣдъ, искалъ единственна мщенія, или смерти.

V.

Кумуржій (**), предводительствуетъ ополченіемъ Мусульманскимъ, — пошеъ, копорой

(*) Въ Венеціи обыкновенно такимъ образомъ поступали шайные доносчики, когда хотѣли погубить своихъ неприятелей. Соч.

(**) Епо славный Али Кумуржій, любимецъ шрехъ Сулпановъ и Великій Визирь Ахмета III. Онъ выгналъ Венеціанъ изъ Пелопонеса — въ одну кампанію; но спустя годъ послѣ того, Кумуржій былъ тяжело раненъ въ Пешерварадинскомъ сраженіи, на равнинѣ Карловицкой, въ самое то время, когда усиливался онъ собрать своихъ шѣлохранишелей. Кумуржій умеръ на другой день. Последнимъ распоряженіемъ его былъ приказъ опрубить головы Генералу Брейнеру и другимъ военноплѣннымъ Нѣмцамъ. Издыхающій варваръ воскликнулъ при семъ случаѣ: „Ахъ! для чего не могу ешаго же сдѣлать со всѣми невѣрными собаками!“ И ещо

въ послѣдствіи времени украсилъ триумфъ Евгевія, когда палъ на кровавыхъ равнинахъ Карловица, палъ послѣдній и ужаснѣйшій изъ всѣхъ побѣжденныхъ. Онъ умеръ, не жалья о жизни, и проклиная побѣду Хрисціанъ, враговъ своихъ. Ахъ! слава Кумуржія, завоевавша Грецію, не будетъ ли гремѣть доподъ, пока вѣрные Хрисстовы чада невозвращатъ опечесству героевъ шой свободы, которую нѣкогда ему даровала Венеція? Вѣка протекли уже съ шой поры, какъ Луна господствуетъ надъ Греками.

Альпу ввѣрено было начальство надъ передовымъ войскомъ. Превращенные въ пепель грады оправдывали сію довѣренность къ нему главнаго полководца; а смертоносные удары, наносимые спрашною его рукою, служили поручительствомъ за вѣрность его къ новому исповѣданію.

VI.

Спѣна швердмни поколебалась, и съ прескомъ падали зубцы ея, безпрерывно пора-

были послѣднія слова его — слова, достойныя Калигуды! Ни съ чѣмъ не лзя сравнить его высокомерія! Ему сказано было, что проливъ него идешь Принцъ Евгевій, великій полководецъ. „Тѣмъ лучше!“ отвѣчалъ Кумуржій: „я сдѣлаюсь еще искуснѣе, и на его же счетъ.“

жаемые изъ огнедышущихъ жерлъ Турецкихъ. Извергающая бомба пробиваетъ зданія Коринеа, разбросанные обломки ихъ покрываютъ землю, и вдругъ пламя испоргается изъ убійственнаго шара подобно огню вулкановъ, или же спремится къ своду небесъ подобно безчисленнымъ метеорамъ. Сгущающія облака чернаго дыма, и солнце лучами своими не можеть проникнуть царовъ стърныхъ, скрывающихъ кругъ его отъ взоровъ чловѣка.

VII.

Но не мщеніемъ однимъ одушевленъ опшудникъ, не одно лишь оно заспавляетъ его учить Мусульманъ искусству досягнуть до осажденныхъ пушемъ пролома. Въ стѣнахъ Коринеа находицца дѣва, кошорую надѣшся онъ похитить у отца неумолимаго, невосхопѣвшаго имѣшь его своимъ зятемъ, когда еще носилъ онъ Хрістіянское имя. Въ то время неправедное обвиненіе нейпринудило еще Альпа измѣнить своему отечеству. Незналъ онъ никакихъ еще заботъ, безопасно гулялъ по Венеціи въ своей гондолѣ, предавался забавамъ карнавала, и приходилъ къ дому своей возлюбленной веселить ее сладоспными звуками серенады во время безмолвія ночи.

VIII.

Франческа не почиталась вовсе нечувствительною. Всѣ благородные Венеціане искали руки ея, и ни одному изъ нихъ небыло дозволено заключить съ нею священнаго союза. Но Ланціотто (*) убѣждалъ къ берегамъ Мусульманскимъ, и съ той самой поры уста юной дѣвы неукрашались болѣе улыбкою; она сдѣлалась блѣдною, задумчивой, чаще приходила молиться во храмы, рѣдко посѣщала Пиршества и собранія; по крайней мѣрѣ ея поникшіе взоры показывали равнодушіе къ сердцамъ, побѣжденнымъ ими. Франческа перестала оплечаться изяществомъ своихъ нарядовъ; голосъ ея утратилъ всю очаровательность тона, ошъ которой казался онъ споль нѣжнымъ; ноги ея уже не были споль легкими въ оныхъ веселыхъ шагахъ, прерываемыхъ однимъ лишь наступленіемъ упра.

IX.

Когда Собіескій смирялъ гордыню Луни подъ стѣнами Буды и на берегахъ Дуная; въ то время вожди Венеціи опшоргли отъ Имперіи Констанцинополя всю страну, простирающуюся отъ Паптры до моря Евбейскаго. Облеченный властію Дожа, Минопши посланъ былъ въ Коринѣвъ, когда миръ,

(*) Прѣжнее имя Альпа.

давно изгнанный изъ Греціи, начиналъ улы-
баться къ сей несчастной области. Въро-
ломное перемиріе, котораго разрывъ былъ
условнымъ знакомъ къ изгнанію Хрістіанъ,
еще продолжалось, когда Миноппи прибылъ
съ своею дочерью. Съ того времени какъ
Менелаева супруга, оставивъ своего Царя
и отечество, показала смертнымъ, какія не-
счастія бывають слѣдствіемъ любви преступ-
ной, съ того времени еще въ Греціи не явля-
лось красошъ, которая могла бы оспорить
преимущество у несравненной Франчески.

X.

Проломъ въ стѣнѣ сдѣланъ. На зарѣ
слѣдующаго дня Турки, соединивши всѣ свои
силы, должны совершить послѣдній при-
ступъ къ полуразрушенной оградѣ. каждо-
му изъ нихъ назначено свое мѣсто: *обре-
ченные* пойдуть впередъ; сіе полчище храб-
рыхъ составлено изъ Ташаръ и Турковъ:
ничто несравнится съ ихъ отвагою; всѣ они
дышатъ презрѣніемъ къ смерти. Искусство
ихъ — прокладывать мечами путь въ ря-
дахъ непріятельскихъ; погибая же, они по-
чипають себя шѣмъ счастливыми, что по
крайней мѣрѣ шѣла ихъ послужитъ ступе-
нями для воиновъ, за ними идущихъ.

XI.

Наспала полночь. Сребровидный кругъ
луны сіяетъ надъ вершиной Кіевѣона;

океанъ развиваеишь блестящія свои волны ; лазуревый сводъ неба устыянъ звѣздами, какъ бы свѣплыми островами другого океана, висящаго надъ головами смертныхъ. Кпо, созерцавшій* сверкающую сихъ свѣщиль ясновспь, кто можеишь низвести взоры свои на землю безъ печальнаго сожалѣнiя, безъ желанiя открылишься, чтобы направилъ свой полетъ къ онымъ спранамъ небеснымъ?

Покой царшвовалъ на водахъ, копорыхъ пѣна едва приводила въ движенiе кремни берега, и копорыхъ шумъ уподоблялся журчанiю пихаго потока ; въспры на зыбяхъ дремали ; флаги преспали развѣвашься, и надъ копьями, копоры окружались висящими ихъ стiбами, сияло знамя мѣсяца.

Одинъ лишь окликъ спража иногда нарушалъ молчанiе ночи ; иногда раздавались гордые ржанiя коця, повшоряемыя олголоскомъ между холмами. Но глухой шумъ, подобный шелесцу древесныхъ листьевъ, ввезапно услышанъ въ пробужденномъ спанѣ : то былъ голосъ Муеццина, призывающаго воиновъ къ молишвѣ полунощной. Сей голосъ раздался, какъ шоржеспвенная пѣспь гебiя невидимаго, копорого звуки дышанъ сладоспнымъ, меланхолическимъ доброгласiемъ ; такiе звуки неясспвенные и продолжишель-

ные, звуки неизвѣстные музыкѣ человѣческой, испоргающіяся изъ уединенной арфы, коея струны движущіяся дуновениями вѣтровъ. И сей голосъ воинамъ Коринскимъ показался пророческимъ знаменіемъ ихъ гибели; даже осаждающіе содрогнулись, какъ бы пораженные однимъ изъ шѣхъ неизвѣстныхъ предчувствій, которыя внезапно обвѣяли сердце, заспаиваютъ его ледѣньемъ опъ ужаса и пошомъ сильно башься опъ спыда, при чувствѣ сего произвольнаго страха. Такъ медленный звонъ погребальный приводитъ насъ въ шрепешъ даже и въ шо время, когда возвъщаешъ кончину незнаемаго нами челоука.

XII.

Шаперъ Альповъ раскинутъ былъ на берегу моря: молишва окончана, всякой шумъ прекрашилъся. Альпъ разспавилъ новыхъ стражей, и обозрѣлъ мѣста ихъ; его повѣлѣнія были даны, были исполнены. Течешъ послѣдняя ночь шрудовъ безпокойныхъ; завшра мщеніе и любовь съ избыткомъ наградятъ его за долговременное ожиданіе. Еще нѣскольکو часовъ, и начнешся кровопролитіе: нужно пригошовишь себя къ оному, нужно воспользовашься временемъ опдыха. Но сіи мысли вращающіяся въ душѣ его подобно волнамъ, движимымъ норывами бури. Альпъ одинъ; онъ стоишъ посреди сшана. Не восшорѣтъ

изувѣрства заставляють его неперпѣливо
ждать того дня, въ которой водрузить
онъ луку на верхахъ Коринтскихъ; онъ по-
несетъ жизнь свою не въ сѣпмѣ чаяннѣ
небесныхъ Гурій, обѣщанныхъ Магомедомъ;
онъ не чувствуетъ въ себѣ ни тѣхъ побуж-
деній пламенной любви къ отечеству, ни
той храбрости испуленной, которая за-
ставляютъ счастливаго гражданина неща-
дить своей крови, презирать всѣ опасно-
сти для милой родины. Ахъ не иное
что какъ опустившій оружіе
противъ своего отечества: онъ одинъ изъ
всѣхъ воиновъ неимѣетъ на сердца, ни руки,
на которыя могъ бы возложить свою
надежду; за нимъ идущъ, потому что онъ
храбръ и обогащаетъ ратниковъ корыстями
любды. Передъ нимъ пресмыкаются, ибо
онъ умѣетъ управлять обыкновенными ума-
ми; но Мусульмане еще не могли совершен-
но забыть его Христіанскаго происхожденія;
завидуютъ даже славу, которую приобрѣ-
таетъ Христіанинъ подъ именемъ Мусуль-
манскимъ; все еще помнятъ, что страш-
ный вождь сей въ юности своей былъ вели-
чайшимъ врагомъ Магомета.

Барвары неѣдали, что можетъ дѣ-
лать гордость, умѣвшая подавить всѣ про-
чія чувства. Не знали они, какъ измѣняетъ,
какъ ожесточаетъ независимость сердца самыя

нѣжныя , и до какой степени бываетъ изступленъ шовъ , кого по потребности мщенія заставила принять новую вѣру. Но они повинуются : потому непрудно управлять людьми жестокими , кто умѣетъ показать себя еще болѣе ихъ дерзновеннымъ. .Такого рода власть царя чешвероногихъ надъ шакаломъ. Сіе животное открываетъ слѣды добычи , приводящъ ее подъ лапу льва , который немедленно умерщвляетъ ее и пожираетъ. Шакалъ насыщается ошашками жершвы.

XIII.

Голова Альпа пылала ; сердце билось въ немъ судорожнымъ движеніемъ. Тщепно ищешь онъ мѣста удобнаго , гдѣ могъ бы вкушать удовольствіе отдыха : сонъ отъ него убѣгаетъ ; послѣ минутной дремоты онъ пробуждается внезапно и ощущаетъ бремя ушомленія ; чалма болѣзненно тягошищъ чело его , и броня , подобно свинцу , давищъ его сердце. Но прежде сонъ часто смыкалъ вѣжды Альпа , хотя , какъ нынѣ , ложился онъ весь вооруженный , безъ покрова , безъ мягкаго изголовья , на землѣ болѣе жесткой , подъ небомъ менѣе чистымъ. Тщепно възываетъ онъ къ покою ; перяетъ шерпѣніе , не можешь дожидаться дня въ шашрѣ своемъ и направляешь стопы къ берегу песчаному , на которомъ тысячи воиновъ наслаждались ошдыхомъ. Мягче ли былъ

одръ ихъ? Для чего Альфъ не вкушаетъ сна, кошорымъ дозволено пользоваться послѣднему изъ его воиновъ? Опасностей у нихъ болѣе нежели у военачальника, и пруды ихъ несравненно шягоспѣе! Между шѣмъ какъ они въ спокойномъ снѣ мечпаютъ о добычѣ, которая имъ обѣшана, одинъ вождь, среди бѣдныхъ людей, уснувшихъ, можешъ бытъ, въ послѣдній разъ въ жизни, одинъ вождь ихъ носивъ въ груди своей мучительное безпокойство и завидуешъ судьбѣ своихъ подчиненныхъ.

XIV.

При свѣжести ночи онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ душѣ своей. Воздухъ былъ приятенъ, не смотря на шизину совершенную, и влажная роса лилась небеснымъ бальсамомъ на пламенное чело Альфа. Онъ проходитъ черезъ спанъ военный; видитъ передъ собою губу и выдавшіяся неправильныя конечности Лепанскаго залива. На вершинѣ горъ Делфійскихъ блиспаешъ свѣтъ, уважаемый лѣшнимъ зноемъ. Вѣки неиспробявъ его, какъ испребляющъ они родъ человѣческій! Исчезающъ рабы и шираны, уступающа мону ществу лучей солнца, между шѣмъ какъ пропавшися имъ сіе тонкое, бѣлое покрывало, кошорымъ навсегда зашпаны горныя вершины, и кошорое переживешъ и высокія

дерева и гордыя башни. Сей снѣгъ безсмертный, лежащій наравнѣ съ облаками, кажущаяся гробовымъ покровомъ, кою свобода просперла на любимой землѣ своей, не бывши еще изгнанною. Она съ прискорбіемъ оспавляетъ сіи мѣста, гдѣ вдохновенныя пророческимъ ея геніемъ воспѣвали славу героевъ; плачущая, она удаляется, умедляетъ снопы свои каждой разъ, когда топчетъ ногами невоздѣланныя поля или низверженные жертвенники. Она готова воззвать къ сынамъ Греціи, готова указать на славныя профетіи ихъ предковъ. Но, ахъ! голосъ ея слабъ; уже невозвратится пошъ день, вѣчныя памяти достойный день, копорый озарялъ пораженіе Персовъ и зрѣлъ Спартанца, умирающаго съ улыбкою.

XV.

Не смотря на преступную измѣну, въ душѣ Альпа не истребилась память временъ знаменитыхъ. Мысленно сравниваетъ онъ прошедшее съ настоящимъ; думаетъ о доспославной смерти пролившихъ за священное дѣло кровь свою на той же самой землѣ, копорую нынѣ топчетъ онъ среди ночныхъ шѣней. Альпъ чувствуетъ, сколь ничтожною, сколь гнусною должна быть слава, приобретаемая измѣнникомъ, копората святошаштвенная рука предводити въ варваровъ, рашующихъ прошивъ его ошечества.

Не таковы были герои, коихъ священный прахъ покоится подъ его спонами. На сихъ самыхъ мѣстахъ подвизались ихъ фаланги, и шѣла ихъ никогда не были оплохомъ без-полезнымъ. Они содѣлались жертвами своего обреченія; но не умерли они и умереть не могутъ. Зефиры, кажется намъ, повсюряютъ имена ихъ въ своихъ вздохахъ, воды журчаніемъ своимъ вѣщаютъ объ ихъ подвигахъ и въ лѣсахъ раздаются ихъ слава. Уединенный столбъ, еще доннынъ возносящій сѣровапую главу свою, гордится, принадлежа священному ихъ праху; шѣни ихъ обипають на горахъ сихъ; память бышя ихъ живетъ еще въ попокахъ, и скромный ручей и гордая рѣка вращаютъ имена ихъ съ волнами своими. Земля сія спонетъ подъ игомъ; не смотря на то, она всегда принадлежашъ будетъ имъ и слава мѣра. Человѣкъ, желающій отличить себя подвигомъ благороднымъ, обращается къ Греціи, гордится примѣрами ея героевъ, подвемлетъ чело передъ пираномъ, и летитъ къ смерти или къ побѣдѣ.

XVI.

Безмолвно Альпъ мечталъ на берегъ, благословляя въ душѣ своей приятную свѣжестъ ночи. Никакимъ движеніемъ неколебалась поверхность сего моря, съ начала вѣковъ опшпуающаго, безъ приливовъ и

опливодовъ (*). Сколь ни была бы велика ярость валовъ его, они немогутъ перейти за черту осшавливающей ихъ границы, и безсильная луна видитъ ихъ неподверженными своему влиянію. Тихо ли время, свирѣпствуютъ ли бури, гордая неподвижная скала презираетъ ревущее колебаніе водъ, немогущихъ достигнуть ее. Бѣлованная полоса пѣны, въ теченіе многихъ вѣковъ неизмѣнявшаяся, одною лишь узкою опшогоспію опдѣляется опъ зеленого дерна.

Альпъ все идетъ вдоль берега, и уже приближился къ самымъ спѣнамъ Коринѳа; но онъ незамѣченъ спрегущими ихъ войнами. Какъ могло статься, что не палъ онъ опъ непріяшельскаго оружія? Не уже ли естъ измѣнники между Хрісіпіянами? Не иссохли ли руки у осажденныхъ? Не оледѣли ли сердца ихъ опъ мороза? Мнѣ неизвѣстно сіе; но ниже одна пуля со свистомъ непролетѣла надъ головою опшувника дерзновеннаго, хотя былъ онъ въ двухъ шагахъ опъ бойницы, закрывавшей ворота со стороны моря, хотя слышалъ говоръ воиновъ, даже различалъ суровыя слова спражей, ровными спонами ходящихъ по помосту. Подъ спѣнами швердныи усмашриваетъ онъ

(*), Извѣстно, что Средиземное море не имѣетъ приливовъ и опливовъ, опредѣленныхъ, или примѣльных. Соч.

жадныхъ исковъ , ропотно шѣрзающихъ разбросанные трупы. Прилѣжно занимаясь добычею , они недумаютъ лаемъ своимъ успрашивать пришельца. Уже сняли они всѣ мясныя части съ головы одного Таварина , какъ снимаютъ кору со зрѣлаго плода смоковницы ; черепъ еще противится приутиленнымъ зубамъ хищныхъ пварей ; еще лижутъ они кости трупа и насилу могутъ поднять зѣвъ , пресыщенный плотояденіемъ (*). Чалмы , по песку кашившіяся , показали Аяпу , что самыя храбрыя изъ воиновъ его такимъ образомъ служили пищею алчнымъ животнымъ. Дорогая шкандь , которою обвито было чело сихъ воиновъ , отличалась зеленымъ своимъ цвѣтомъ съ багряными полосами , и по космъ волосовъ оставалось еще на бритыхъ головахъ ихъ (**). На берегу одинъ коршунъ билъ крыломъ своимъ волка , похитившаго у птицъ плото-

(*) Я самъ былъ свидѣтелемъ совершенно подобнаго сему зрѣлища подъ стѣнами Серали въ Константинополѣ , во впадинахъ камня , изрытыхъ водами Босфора. О семъ также упоминаетъ и г. Гобгоузъ въ описаніи своихъ путешествій. Ешо были трупы казненныхъ янычаръ. Соч.

(**) Суевѣрные Турки думаютъ , что Магомешъ понесетъ ихъ въ свой рай , схвативши за ешу косму , то естъ за длинной пучокъ волосъ , обыкновенно на срединѣ головы оспаляемый ими. Соч.

ядныхъ остатковъ падалища, и которому присушествіе псовъ запрещало приближиться къ шрупамъ, чтобы насытиться ими.

XVII.

Альвъ отвратилъ очи отъ ужаснаго зрѣлища; сердце его никогда не пренежало среди опасностей битвы: онъ лучше бы желалъ видѣть воина, издыхающаго въ потокахъ своей крови, пожираемаго палящею жаждою послѣднихъ мукъ въ жизни, нежели бытъ свидѣтелемъ тому, какъ люпытые звѣри шерзаютъ шѣла несчастныхъ, хотя лишеныя уже всякаго чувствія. Поданный знакъ къ сраженію возбуждаенъ гордость въ душѣ нашей; каковъ бы ни былъ видъ приближающейся смерти, но мы знаемъ, что слава повторитъ имя падшаго на полѣ брани, знаемъ, что честь опкрытыми очами сморитъ на храбрые подвиги: но горько, нестерпимо, когда все уже кончилось, топирать ногами шруны, еще ожидающіе могилы, горько и нестерпимо взирать, какъ земляные черви, хищныя пшцы и дикіе звѣри спекаются оспоривать одинъ у другаго остатки челоука и веселишся его смерщю.

XVIII.

Близъ того мѣста одинъ древній храмъ развалинами своими покрывалъ земную по-

верхность; двѣ или три колонны еще стояли, и справа росла на мраморѣ, на границѣ: шаково неумолимое время! Оно также неощадило будущаго, какъ неощадило прошедшаго, и всегда есть въ готовности у него сползко развалинъ, чтобы заспавишь насъ оплакивашь какъ бывшее, такъ и будущее. Чтѣ видѣли мы, то увидяшь и дѣши наши — оспашки памятникѣвъ, уже несущеспвующихъ болѣе, обломки камней, воздвигнувшихъ нѣкогда руками человѣковъ.

XIX.

Альбъ садился на подножии колонны. Онъ повелъ рукою по челу своему, подобно человѣку, кошораго мучишь болѣзненная греза; голова его преклонилась къ сердцу, кошораго бѣненіе могло бы служишь признакомъ огневицы; перспы его блуждали по челу, какъ перспы музыканша въ безпорядкѣ пробѣгаюшь по бѣлоснѣжнымъ клавишамъ, еще не нашедши желаемаго звука. Погруженному въ печальную думу слышалось дуновение ночнаго вѣспра, подобное нѣжному, меланхолическому вздоху. Въ самомъ ли дѣлѣ вѣспрѣ сщонешъ въ разсѣлинѣ какого-либо камня? Альбъ поднимашъ голову и смопришь на море: поверхность его была, какъ спекло, гладкая; смопришь на зелень дерна: ни одинъ спебель гибкой правы не колеблется. Откуда же сіи тихіе звуки? Онъ обращашъ взоръ

свой къ флагамъ; ничто недвижеть ихъ стибовъ, и древесные листья Киѳерона висятъ въ совершенномъ покоѣ; самъ Альфъ на лицѣ своемъ неощущаетъ дуновения отъ слышанныхъ имъ звуковъ. Онъ обертываетъ голову: вѣрить ли собственному чувству зрѣнія? Передъ нимъ два, сіяющая юношю и красотою.

(Окончан. въ слѣдующ. книжк.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Дѣв Персидскія пѣсни.

(Изъ западно - восточнаго Дивана соч.
Гете.)

1.

З ю л е й к а.

Восходишь солнце!.... Блескъ чудесной!....

Луну объемлешь свѣтъ лучей!....

Кшо свель ихъ въ высь небесной?

И гдѣ ошгадка шайны сей?

Г а т е м ъ.

Сулшанъ, Сулшанъ соединяешь

Свѣтила высшя міровъ:

Онъ ими вѣрныхъ опличаешь

И храбрыхъ изъ своихъ полковъ.

*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

Ч А С Т Ъ С XIII.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи,

1 8 2 0.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Стран.

П Р О З А.

Неизвѣстный благошворитель. - -	3
Люди, какихъ много на бѣломъ	
свѣтѣ. - - - - -	81
Осада Коринѳа. - - - - -	241

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Романсъ. - - - - -	27
Вѣра. - - - - -	95
Къ Московскимъ друзьямъ изъ N*...	
N* - - - - -	161
Выгоды Пеша. - - - - -	169
Мадригаль. - - - - -	170
Эпиграмма. - - - - -	—
Двѣ Персидскія пѣсни. - - - - -	262
Елегія жителя береговъ Чернаго	
моря. - - - - -	264
Къ морю. - - - - -	265

II. ИЗЯЦНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Извлечение изъ плана путешествія	
по Россіи для отысканія древно-	
стей Славянскихъ. - - - - -	30 и 99

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 21.

Н О Я Б Р Ъ . 1820.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А .  
~~~~~

О с а д а К о р и н ъ а .

(Окончаніе.)

XX.

А льбъ пренецетъ, объявѣи ужасомъ, ка-кого не ощутилъ бы передъ неприа-лемъ. „Боже опцевъ моихъ!“ такъ онъ воскликнулъ: „что я вижу! Кто ты и откуда? что побудило тебя находишься такъ близко отъ мусульманскаго спана?“ И дрожащая рука его опрекается сошворить знаменіе креста, уже преславшее бытъ для него священнымъ залогомъ спасенія. Едва неувлекся онъ чувствомъ сердца; но его удерживаетъ закоренѣлая совѣсть. Альбъ нѣмѣетъ отъ изумленія, узнавая черты прекраснаго лица, нѣкогда споль ему любезнаго: предъ очами его была — Франче-

ска, ша Франческа, копорую желалъ онъ называшъ своей сузругою.

Еще розами украшались ея ланиты; но розы не блисали уже прежнимъ румянцемъ. Куда улепѣли сія очаровашельныя движенія губъ, сія прелестная улыбка, копорыми возвышалась вѣжная ихъ багряносшь? Лазурь спокойнаго океана неимѣла той приятности, какая обипала въ несравненныхъ очахъ Франчески; но ея зѣници были неподвижны, какъ поверхность моря, и взоръ ея былъ ясенъ, но холоденъ. Флеръ едва закрывалъ бѣлолилейную грудь ея, и сквозь распушенные волосы Альи могъ видѣшь изящную круглосшь раменъ ея. Еще неказавъ ни слова любезному, Франческа вознесла къ небу руку свою, столь блѣдную и прозрачную, что лучи мѣсяца, не оспражаясь, сквозь ея проникали.

XXI.

»Оспавивъ мѣста моего покоя,“ рекла Франческа »я пришла къ любимцу души моей, дабы насладишься счастьемъ и его содѣлашь учасникомъ моего блаженства. »Не удержали меня ни спѣны, ни врапа, ни ряды спражей, и я достигла до тебѣ, нечувствуя спраха. Самой левъ, какъ повѣстующишь, убѣгаетъ онъ дѣвы, защищаемой ледниимъ своимъ цѣломудріемъ, и Господь,

„охраняющей невинность отъ грознаго опу-
хшосишеля дубравы, соблаговолишь въ ми-
лосердіи своемъ охранить и меня отъ рукъ
невѣрныхъ. Къ тебѣ пришекла я: но ежели
щещно мое пришествіе; то мы никогда,
никогда не соединимся! Ты учинилъ нена-
вистнѣйшее беззаконіе, опвергнувши въру-
щцевъ своихъ! Попри же ногами клятвопре-
ступническую чалму сію, огради себя зна-
меніемъ креста свяшаго — и ны будешь
моимъ навѣки; изгладь пачино, копорымъ
очернилось швое сердце — и завтрашній
же день соединишь насъ неразрывнымъ со-
юзомъ.“

— Но гдѣ устроили бы мы ложе брач-
ное? — шакое былъ отвѣтъ Альна: гдѣ?
Среди мершвыхъ и умирающихъ! Ибо зав-
тра мы предадимъ мечу и пламени чадъ
хрестіянства и ихъ молишвенные храмы:
шолько ны и ближніе швои получише пощадю;
я произнесъ кляшву. Но для насъ гошво
убѣжище безмяшежное: шамъ соединимся
узами брака и всѣ горести наши предадимъ
забвенію; шамъ назову тебя супругою мо-
ею; когда еще одинъ разъ унижу гордню
Венеціи: ненавистные граждане ея должны
быть свидѣтелями, какъ сія рука, ими
презрѣнная, бичемъ изъ скорпіоновъ будешь
поражать шѣхъ, кои по внушенію преступ-
ной зависши содѣлались моими врагами. —

Франческа положила руку свою на руку Альпа; едва ошущительна была жесть ея: но ужасъ проникъ до самыхъ костей опступника. Сердце его оледенѣло; онъ неподвиженъ онъ изумленія: хладная рука Франчески едва держала его руку; но онъ желалъ бы опвесити ее, и никогда еще нежашіе споль любезной рукою невозбуждало подобнаго ужаса. Пламя чела его попухло и ледяное сердце его чущь билось, когда, созерцая чершмы лица, нѣкогда любимой дѣвы, усмашривалъ онъ, сколь велика была происшедшая въ ней перемѣна. Франческа все еще была прекрасною, но уже лишена шой выразительности, шого луча небеснаго, копорымъ оживляется фізіономія, какъ волн моря въ ясный день сверкающъ онъ лучей солнца. Губы ея были уже какъ смерть неподвижны, и слова, изъ устъ ея выходящія, уже несопровождались ихъ ароматомъ. Перси ея не воздымались онъ шихаго дыханія, и самая даже кровь, казалось, не текла уже въ ея жилахъ. Въ очахъ ея не было блеска, и онъ медленныхъ звницъ посылались одни лишь смупные взгляды, какіе видны въ очахъ челоуѣка, мучительнымъ сновидѣніемъ помимаго. Таковы мрачныя фігуры, на стѣнныхъ шканяхъ, въ яніемъ борея колеблемыхъ: сіи лица бездушныя, но кажущіяся живыми, усшрашающъ взоръ при блѣдномъ мерцаніи умирающаго свѣшль-

ника. Видя ихъ во мракѣ, думаете, что онѣ сходящъ со стѣны, на которой начертанъ грозный ихъ образъ, и при колебаніи шкани отъ вѣтра вамъ кажутся сіи призраки ходящими.

„Ежели мнишь ты,“ вѣщаетъ Франческа „что многимъ жерпвуешь своей любви ко мнѣ; но да будешь сіе по крайней мѣрѣ жерпвою любви пвоеей къ Небу! Свергни, я повноряю, опшшупнической покровъ сей съ чела пвоеого, и поклянись явишь пощаду сынамъ опечешва. Иначе — ты погибнешь: неузришь болѣе земли, на которой недолжно тебѣ долго оспавашься; никогда неузришь ни меня, ни неба. „Склонись на мольбу мою! Пущь жестокая доля была бы пвоимъ удѣломъ: она средство къ оппущенію нѣкоторой части изъ пвоихъ беззаконій. Двери милосердія могутъ еще раствориться предъ тобою; размысли, или пригншсь повешти прокляніе Брга, котораго ты вѣроломно оспавилъ; въ послѣдній разъ возведи очи свои къ небесамъ, уже готовымъ навсегда для тебѣ затвориться. Смотри на легкое, въблизи луны плывущее облако: оно скоро оспавишь ее за собою. Ежели сердце пвое не обратишь, прежде нежели воздушный покровъ сей прошечешъ мимо ночнаго свѣшила; Богъ и человѣчество потребуютъ

«своего удовлетворенія — и страшнымъ
будешь осужденіе свое, но еще будешь
«страшнѣ вѣчность твоихъ несчастій.»

Возводишь взоры Альпъ, и видишь на
сводѣ небесъ облако; но въ сердцѣ его была
язва, и гордыня его непреклонна. Гибельная
спрашъ сія, подобно ярему попоку, увлека-
етъ всѣ прочія. Альпу ли просишь по-
милованія! ему ли спрашишься прещеній
робкія дѣвы! забышь обиды Венеціи, и съ
клятвою обѣщаешь пощаду сынамъ ея, уже
обреченнымъ къ погибели! Нѣтъ! когда бы
сіе облако ужаснѣе было шучи громовой,
когда бы грозило уничтожить ошшунд-
ка. . . да разразился!

Неподвижно и безмолвно взираетъ Альпъ
на грозное знаменіе; облако пробѣжало, и
открывшаяся луна въ полномъ сіяніи пред-
стала очамъ его. «Какова бы ни была моя
«судьбина,» произнесъ тогда ошшунникъ
«я не умѣю перемѣнить себя, и теперь уже
«поздно. . . Гибкая просишь, поражаемая
«бурею, шрепещетъ, клонится долу и воз-
«шаептъ снова; крѣпкій дубъ долженъ пре-
«ломиться. Пребуду шѣмъ, чѣмъ содѣлала
«меня Венеція — врагомъ ея во всемъ,
«кромѣ одной только любви моей къ Фран-
«ческѣ. Но шѣ развѣ не въ безопасности,
«находясь се мною? Убѣжимъ вмѣстѣ, Фран-

«ческа!» Онъ обращаетъ голову, и Франчески уже не спало; видитъ одинъ лишь мраморъ колонны. Не въ землю ли она сокрылась? не исчезла ли въ пространствахъ воздушныхъ? Аль не зришь ее болѣе, и не знаешь, что помыслишь.

XXII.

Ночь ослепляетъ; солнце гогово яркими лучами озаритъ землю, какъ бы въ день шоржеспвенный; аврора мало по малу снимаетъ съ долинъ строе покрывало мраковъ: все предвѣщаетъ жаръ ушомишельный. Раздаются громаы шрубъ и шимпановъ; съ шумомъ распуценныя хоругви развиваются надъ копытами; слышны ржанія коней, звучныя движенія войска и воззванія: къ оружію! къ оружію! Власыныя знамена (*) Пашей несущя передъ ихъ полчищами; мечи обнажены; воины спояшъ въ боевомъ порядкѣ; всѣ ждуть лишь полько знака къ сраженію. Ташары, Спаги, Туркоманы! снѣшите къ полку передовому! Всадники! спрегите ущелія, окружите равнину, преградите путь бѣгущимъ изъ города! Ни одинъ хрістіянинъ, старый и младенецъ, да не избѣгнушъ назначенной имъ судьбины! Пѣшіе межъ шѣмъ да распростираняющъ убійство у пролома и да проникнушъ въ средину Коринеа!

(*) Хвосты конскіе, называемые бунчуками.

Кони со скрежетомъ грызущъ броды свои и гордо возмешаютъ развѣвающуюся гриву; удила ихъ покрыты бѣлою пѣной. Легкія копья направлены; воспаляющая вервь куришся; огнесирѣльное жерло, ко граду обращенное, готово изрыгнуть смерть и разрушить уже потрясенныя шпѣны; фаланги янычаръ идутъ, предводимыя Альпомъ. Руки его обнажены до раменъ, и мечъ блискаетъ въ его десницѣ. Ханъ и Паши на мѣстахъ своихъ; самъ Визирь на челѣ всего воинства. Раздася въсповой громъ, и мгновенно все да двигнешя; да не пощадишя жизнь ниже одному изъ жителей Коринѣа, да не оставяшя въ живыхъ ни служитель въры передъ олшаремъ своимъ, ни вельможа въ своихъ чертогахъ! да разрушашя дома, да не останешя камень на камени въ Коринѣѣ. Богъ и пророкъ! Аллага! да крикъ сей досшигнешъ до свода небеснаго!

»Здѣсь проломъ!« восклицаетъ Кумуржій: »здѣсь лѣстницы для восшествія на шпѣны! въ рукахъ вашихъ мечи, и вы ли не побѣдите? Кто первый сокрушитъ хоругвь вражескую, шощъ всего пребуи ошъ моей щедрости. Все получитъ.«

Такъ въщаль Визирь безшрепешный; бряцанія ошъ сопрясенныхъ мечей и коній и радосшныя клики восторженнаго воинства

послужили вмѣсто отвѣта . . . Молчаніе . . .
Раздался вѣсповой выстрѣлъ.

XXIII.

Спая жадныхъ волковъ устремляется на быка, ярмомъ неукротеннаго; ихъ неспрашивъ ни сверкающій огонь очей его, ни рыканія грознаго гнѣва; шпещно попираетъ онъ копытами, шпещно окровавленными рогами возмешаетъ онъ дерзнувшихъ бышь первыми въ сраженіи. Такъ Мусульмане устремляются къ швердынѣ; пакъ ошважнѣйшіе изъ нихъ падають подъ ударами осажденныхъ; толпа воиновъ ихъ усплала землю; брони ихъ, какъ спекло, сокрушены, убійспвеннымъ шаромъ, еще роющимъ земную поверхность, на кошорой повержены имъ тѣла невѣрныхъ; цѣлые полки ихъ низложены, подобно класамъ, копорья серпомъ жнеца подсѣчены на браздахъ нивы.

XXIV.

Неподвижный ушесъ, долго подмываемый попоками водъ весеннихъ, зривъ накопецъ огромные опломки ошпорженными ошъ своей подошвы; съ громовымъ прѣскомъ они кашяся въ волны, и, подобно лавъ, низвергаются въ Альпійскія долины. Такъ жишели Коринеа, ослабленные долговременной осадю, изнемогли ошъ частыхъ нападений войскъ мусульманскихъ. Спращно было ихъ

сопрошивленіе ; но преодолѣла сила невѣрныхъ, и хрістіяне пали, шіснимы въ рѣдахъ своихъ, пали не опшуная.

Единая смерть безмолвствовала на семъ позорищѣ кровопролісія ; удары поражающихъ, шоны побѣжденныхъ, клики побѣды мѣшались съ громомъ огнеспрѣльныхъ орудій. Ближніе грады съ безпокойствомъ прислушивались къ спускамъ, даже до нихъ достигавшимъ; невѣдали они, къ кому улыбаешся Форшуна — ко врагамъ ли ихъ, или къ союзникамъ ; не вѣдали, радовашся, или скорбѣть должно при сихъ спрашныхъ вопляхъ, кошорые ехомъ съ ужасными звуками пересылаемы были между горами. Саламина и Мегара, самый даже Пирей слышали, какъ повѣшваюшъ, звуки сей роковой бипвы.

XXV.

Мечи обагрились опъ конечнаго оспрія даже до рукояши. Городъ взявъ уже, и началось расхищеніе. Провзисельные вопли раздаются изъ домовъ, въ кошорыхъ войны ищущъ добычи. Слышенъ ускорямый попошъ убѣгающихъ ; они скользятъ по ручьямъ крови, наводнившимъ улицы. Но здѣсь и шамъ, лишь шолько гдѣ дозволяетъ положеніе мѣсна, десяшь или двѣнадцашъ

изъ числа осажденныхъ воиновъ соединяюща-
ся, стояли дружно подъ спиною, гордо
прошиваясь неприсяелямъ, наносятъ смер-
тельные удары и съ оружіемъ въ рукахъ
сами падаютъ мертвы. Въ одной изъ сихъ
дружинъ малочисленныхъ замѣченъ спарець
съ бѣлыми власами, но съ мышцами
крѣпкими; храбро выдерживалъ онъ на-
паденіе дерзавшихъ къ нему приближаться,
и прупы низложенныхъ Турковъ сосставля-
ли передъ нимъ половину круга. Еще не
получилъ онъ ни одной раны, и хопя оп-
снуная сражался, но досель не далъ врагамъ
окружить себя. Признаки многихъ язвъ подъ
его бровею свидѣтельствовали, что давно
уже знаетъ онъ опасности военныя; но
всѣ раны получены имъ были въ другихъ
сраженіяхъ. При масшипой старости онъ
имѣлъ еще силу споять противъ юныхъ
воиновъ, а удерживаемые имъ враги были
многочисленнѣе бѣлыхъ волосовъ его. Мечъ
его не у одной матери похищилъ сына,
еще не родившагося въ то время, когда
Миошпи въ первый разъ пролилъ кровь
чшишелей Магомеша. Когда же и самъ онъ
упрашилъ возлюбленнаго первенца; о, тогда
горестъ его содѣлалась пагубою многимъ
родишелямъ! Если пѣни удовлетворяюща
кровопролисіемъ, то не столько имѣла за-
кланныхъ жершвъ пѣнь Папрокла, сколько
погибло ихъ на полость, ошдѣляющей Азію

отъ Европы (*). Юноша погребенъ на томъ берекѣ, гдѣ въ продолженіе вѣковъ споль многие герои обрѣли свои могилы. Чтѣ же ошалося, чтѣ возвѣстимъ намъ о смерти героевъ сихъ и о мѣстѣ ихъ погребенія? Ни одного камня надгробнаго! Прахи ихъ разсѣяны; но Поезія хранишь ихъ безсмертіе.

XXVI.

Слышу раздающіеся клики: Алла! Приближается шолпа мусульманъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ рѣшительныхъ. Мощная десница начальника ихъ обнажена даже до рамени. Сія рука, ведущая войновъ, всегда гошова наносимъ удары, и по симъ ударамъ познается онъ во время сѣчи. Иные опшичаютъ себя блестящею бронею, рождающею въ непріятель надежду приобрести драгоценную добычу; иные мечъ свой украшаютъ богашою рукояшью: но ужаснѣ ли отъ шого лезвее меча ихъ? Не по чалмѣ великолѣпной желаетъ Альпъ бытъ узваннымъ въ сраженіяхъ, но по рукѣ своей, обнаженной и покрышой кровью. Идше въ средину кипящей сѣчи: шамъ, а негдѣ-либо, найдете Альпа; ничье знамя неподвержено шоликой опасности, какъ его знамя, и ничей флагъ мусульманскій неувлекаетъ споль

(*) Рѣчь идетъ о морскомъ сраженіи, бывшемъ при Дарданелахъ между Венеціанами и Турками. Соч.

далеко за собою храбрыхъ *Деліевъ*. Альпова хоругвь подобна кометѣ, грозящей бѣдснвїями. Гдѣ только ни видна ужасная рука его, тамъ храбрѣйшіе изъ воиновъ или еще сражающся, или едва лишь переспали сражашься. Тамъ слабый душею щѣтно просишь жизни у неумолимаго Ташарина; тамъ герой умираешъ безмолвно, и побѣжденный, онъ гнушаетъ униженіемъ, еще заносишь руку для нанесенїя послѣдняго удара, забывая слабость свою поднимаешся, и — падаешъ на обгавленную землю.

XXVII.

Спарый Миношши еще сопрошивлялся. Альвъ оспановляешся и кричишь къ нему: „Сдайся, Миношши! спаси жизнь себѣ и до-чери!“ — Никогда, подлый ошсшупникъ! никогда, хотя бы даруемая побоею жизнь бмла безковечна. — „Франческа! любезная серд-цу моему Франческа! надобно ли, чшобы она была жершвою швоей гордыни?“ — Она въ безопасности. — „Гдѣ же она?“ — На небѣ, неприсшупномъ для швоей души въроломной; она далеко ошъ себя — тамъ, между дѣвами свяшыми.“ И Миношши улыбулся сѣ жестокою радостію, когда увидѣлъ, что Альвъ въ смяшенїи пошрялся ошъ послѣднихъ словъ его, что едва не упалъ онъ, какъ бы внезапно сраженный непрїательской рукою. „О небеса!“ восклицаешъ ошсшуп-

никъ: «когда неспало ее между живыми?» —
Вчера; опшвщспвуашъ Миношпи: и я не
свпую обв ея смерти. Никшо изв дѣшей
моихъ небуденъ въ оковахъ Магомеша, или
опспупника вѣры. Приблжсья и защищай
себя! —

Тщешно произнесенъ былъ вызовъ: уже
и Альпа не спало между живыми. Когда Ми-
ношпи изрекалъ жесшюкя слова свои,
успаждавшя мспящй духъ его, болѣе не-
жели ушѣшилъ бы его мечъ, вонзенный въ
сердце измѣнника; въ шо самое время изв
ближняго преддверя, гдѣ горспъ храбрыхъ
опчаянно защищала входъ храма, налетѣлъ
убйспвенный свинецъ на Альпа. Вождь сей
палъ на землю, прежде нежели могли уви-
дѣшь кровь, брызнувшую изв смерщельной
раны. Ударъ и паденіе были дѣломъ одного
момента. Молнйя сверкнула изв очей Аль-
па, и мракъ внезапно оспнилъ его шре-
щущее шѣло. Сіе мгновенное шрепешаніе
было послѣднимъ оспаткомъ жизни шросщер-
шыхъ на землѣ членовъ. Трупъ поднимающъ:
грудь, чело его обагрены и покрышы пра-
хомъ; ошв блѣдныхъ губъ ошдѣляющся куски
запекшейся крови; пульсъ его безв движе-
нйя. Никшо неслышалъ послѣдняго его
вздоха; ни однимъ словомъ, ни однимъ судо-
рожнымъ всхлипомъ неознаменовался пере-
ходъ его ошв жизни къ смерти. Еще немогла

блеснуть въ немъ даже мысль о молитвѣ, какъ душа его уже оставила шло — безъ надежды получить небесное прощеніе. Онъ пребылъ ошсшунникомъ до послѣдней минуты.

XXVIII.

Крики враговъ Альпа смѣшались съ воплями его воиновъ: сіи издають крики бѣшенства, шѣ восклицаютъ шоржесшвенно. Съча возобновляется: мечи, копя перелелись крешообразно, и воины кашающа по лицу земному. Мужешвенно защищаетъ Миношши каждой шагъ земли, которую принужденъ ушунашъ во градъ, ввѣренномъ его охраненію; ошсштокъ преданнаго войска соединяетъ свои съ его усилями. Еще можно оградитъ въ церкви, изъ которой вылетѣлъ свинець, ошсштившій ошсшуннику за побѣжденныхъ: шуда прибѣгаетъ Миношши съ воинами, ошсшавля кровавой ручей за собою; они ошсшупаютъ, но неперешаютъ сражающа, и находящъ минутный ошсшдыхъ за крѣпкими шолпами священнаго мѣста.

XXIX.

Ахъ! сколь крашокъ былъ сей ошсшдыхъ! Въшсшъ съ числомъ мусульманъ увеличиваетъ ся и ихъ ошсшважностъ; съ шакимъ безразсудшвомъ, съ шакимъ ожешсшченіемъ настуша-

юпѣ они на хрістіянскихъ воиновъ, что самое многочисленно дѣлается пагубнымъ для дерзновеннѣйшихъ изъ сыновъ Опшомана. Улица, копорая вела къ послѣдному убѣжищу защитниковъ Коринѳа, была сплошь пѣсною, что Турки, сражаясь между колоннами храма, щепно усиливались обратиться вслѣдъ по слѣдамъ своимъ, и погибали отъ невозможности спасенія бѣгствомъ; но еще не закрывались очи погибающихъ, какъ на пѣлахъ ихъ являлись новые мстители. Воины еще болѣе ужасные заступали мѣста падшихъ, и толпа ихъ не рѣдѣла отъ кровопролитія. Свѣшильники, коими украшаются олтари хрістіянскіе, дрожащимъ сіяніемъ лучей своихъ не могутъ проникнуть облаковъ дыма, сихъ изверженій огнедышающаго орудія. Уже Опшоманы передъ дверьми храма; мѣдныя веревки прошиваясь ихъ усиліямъ, и изъ вѣхъ ошверстѣй сквозь разбиныя окна свинцовый градъ несетъ къ нимъ смертельныя раны. Но — преддверіе колеблется на своемъ основаніи; желѣзо уступаетъ силѣ; веревки рвутся скрыпомъ своимъ и сокрушаются; дверь падаетъ. Совершилось! Коринѳъ въ рукахъ вражескихъ!

XXX.

Остановившись на ступеняхъ олшаря, Миношши почти одинъ переживаетъ вѣхъ храбрыхъ, невозможшихъ спасти Коринѳа;

онъ непреставалъ угрожать преслѣдовавшимъ его Туркамъ. Надъ главою его возвышается образъ Богоматери, швореніе небесной кисши; изъ свѣтлаго взора ея лиѣтся благосшъ. Сей образъ, пославленный надъ жерпвенникомъ, возносилъ къ Божеству мысли человѣческія. Пренепорочная Матерь Бога - Младенца, держа на лонѣ своемъ Предвѣчнаго; ослаблялась къ молишвамъ смерпныхъ и какъ бы общавала благоговѣйныя мольбы ихъ принести ко престолу Всемогущаго. Среди кровопролитія, обогрившаго церковь Божію, Миношпій возводилъ очи къ Пресвятой Дѣвѣ; въздыхая, онъ ограждаетъ себя спасительнымъ знаменіемъ креста Господня, и беретъ съ олшара горящій свѣшильникъ. Со всѣхъ споронъ окруженъ онъ пламенемъ и желѣзомъ Мусульманскимъ.

XXXI.

Подъ украшеннымъ мусію помостомъ въ ископаныхъ подземельяхъ покоились мершвецы въковъ прошекшихъ; имена ихъ начертаны были на тробницахъ: но кровавыя пятна не дозволили бы прочиташъ ихъ. Изваянные гербы, песпроша разноцвѣшнаго драмора уже невидимы были подъ оштатками изломанныхъ мечей и шлемовъ. Сколько же шруцовъ простерто было надъ сими еводами подземелья, сколько подъ ними на-

ходилось гробовъ, разспавленныхъ въ печальномъ порядкѣ. Но война проникла и въ сіи убѣжища подземныя; подлѣ сихъ пѣлъ усохшихъ она положила кучу разрушительной селистры. Здѣсь Хрістіане во время осады хранили военные свои припасы: къ нимъ вела ешеза вещешва огнеспрѣльнаго, и въ нихъ было послѣднее, но ужаснѣйшее пособіе прошивъ побѣдителей.

XXXII.

Турки усремляющся во внушенность храма и ошатокъ Хрістіанъ еще пропивушавишъ имъ бесполезную храбрость. Невозможни уполишъ жажды мщенія гибелью многихъ непріятелей, варвары ошѣкающъ члены ошъ пѣлъ уже убишыхъ, ошдѣляющъ головы ошъ бездушныхъ шруповъ; они повергающъ долу изваянные лики Угодниковъ Божіихъ, расхищающъ въ придѣлахъ богатшя приношенія вѣрныхъ, и враждующъ между собою за драгоценные сосуды, благословенные десницею свяшыхъ Первосвященниковъ. О зрѣлище доспославное! Чаша, хранилище великихъ и спрашныхъ Таинъ, еще спояла на жершвенникъ, и блескъ священнаго сосуда поразилъ жадные очи вонновъ Магомешовыхъ. Въ сѣй самый день служишель Божія престола раздавалъ изъ онаго освященіе душъ хрішоименишымъ рапникамъ, пригоповляя ихъ ко сраженію.

Двѣнадцать драгоцѣнныхъ свѣщниковъ споло окрестивъ олшаря въ удивительномъ порядкѣ. Кому доспанешся сія послѣдняя добыча, послѣдняя и самая богатая ?

XXXIII.

Уже Татаринъ проешираетъ святошапстввенную руку ко священному сосуду, какъ вдругъ Миношши приблизилъ пламенникъ къ селипрѣ. Колокольня, своды, олшарь, святыня, драгоцѣнныя принадлежности богослуженія, побѣдители, Хрістіяне, мершвые, живые — все взлешло и съ остатками храма. Почпи весь городъ разрушенъ до основанія; стѣны низверглись; волны моря ошступили всяшь на короткое время; горы поколебались какъ бы при землетрясеніи отъ подземнаго удара. Сей ужасной взрывъ бросилъ къ самому своду неба штысячи безобразныхъ обломковъ посреди неизмѣримаго пылающаго облака. Дождь пепела низпадаетъ на землю, очерняетъ широкое пространство перешейка, или рисуемъ множество круговъ на вспревоженномъ морѣ.

Ошдѣленные члены богатшрей разбросаны на равнинѣ. Кому принадлежали они? Хрістіянамъ, или магомешанамъ? Да увидяшь ихъ машери, и онѣ да скажутъ! Нѣкогда съ любовію улыбались онѣ къ малюшкамъ своимъ, спящимъ въ колыбеляхъ; онѣ

погда не думали , что настанетъ день , въ которомъ сіи нѣжные члены будутъ лишь неузнаваемою грудой . Едва немногіе сохранили еще наружность человѣческую . Дымящіяся бревна , обожженные или окровавленные камни покрывающъ дальнія окрестности . Всѣ живыя существа , услышавъ громъ сего ужаснаго разрушенія , вдругъ исчезли . Птицы изъ лѣсовъ улетѣли ; псы дикіе съ воемъ побѣжали отъ полуистребленныхъ шруповъ . Велблуды оставили своихъ стражей ; послушный конь , въ далекомъ отъ Коринеа проводившій пягоспную бразду нивы , мгновенно сбросилъ свое иго ; вѣрный поварищъ всадника , распоргши подвязные ремни свои и поводы , решиво поскакалъ по долину ; обитатели болотъ огласили воздухъ печальнымъ своимъ крикомъ , и волки завывали въ пещерахъ , въ которыхъ отголоски повсорили оглушающій громъ отъ взлетѣвшаго Коринеа ; шакалъ (*) въ далекомъ спонетѣ , и жалобные вопли его подобны крику плачущаго младенца ; орелъ , вздувъ перья , оставилъ гнѣздо свое — онъ

(*) Боюсь стихотворной своей вольности , переселивъ шакала изъ Азіи въ Грецію , гдѣ , признаюсь должно , я невидаль и не слышалъ сего живошнаго . Но въ развалинахъ Ефеса я видѣлъ тысячи шакаловъ ; они любятъ жить въ остаткахъ древнихъ зданій , и спаями слѣдуютъ за войскомъ . Соч.

устремился къ солнцу искать убѣжища,
преслѣдуемый дымомъ черныхъ паровъ, пре-
пятствующихъ ему видѣнь землю.

Съ Фран. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мечта.

Среди безмолвной тишины,
Въ часы полуночныхъ видѣній,
Когда прекрасный свѣтъ луны
Сгоняя, съ вершинъ бѣгущи тѣни,
И холмы, доли посребрялъ;
Съ осиротѣвшею душою
По злачнымъ я лугамъ гулялъ
И забавлялъ себя мечтою.

*

Повсюду царствовалъ покой,
Въ окрестностяхъ дремали селки,
Лишь изрѣдка въ дали глухой
Звукъ раздавался филомелы.
Склонялъ меня ко сну Морфей;
Я сѣлъ роскошныхъ дровъ подъ сѣнью:
Приятно шамъ журчалъ ручей
И приглашалъ къ ошдохновенью.

*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

Ч А С Т Ъ СХІV.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи,

1 8 2 0.

О Г Л А В Л Е Н І Е

14-6

СТО ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Осада Коринѳа.	- - - - -	5
Одна глава изъ романа: Ивангое, или возвращеніе воина изъ Крестоваго похода.	81	
Посвященія новобрачныхъ.	- - - - -	241

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Мечта.	- - - - -	23
Елегія.	- - - - -	26
Похвала сельской жизни.	- - - - -	100
Пчелы.	- - - - -	161
Памяши К.	- - - - -	167
Въ Альбомъ Софіи.	- - - - -	—
Дѣвущкѣ, имя которой Надежда.	- - - - -	168
Для Альбома Т. Ф. Г. — рь.	- - - - -	—
Къ Софьѣ — ѳ. —... ой.	- - - - -	264
Двѣ пѣсенки.	- - - - -	266
Эпитафіи.	- - - - -	268

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Сравненіе внутренней и внѣшней шорговли.	- - - - -	27, 106 и 169
Замѣчанія на спашью: Нѣкошорыя мысли о наукахъ почныхъ.	- - - - -	41
Выписка изъ иностранной книги о шаринѣ Русской.	- - - - -	122 и 205
Записка о городищахъ, курганахъ и другихъ шаринныхъ насыпяхъ въ Тульской губерніи	- - - - -	184
Другая записка для г-на Доленги-Ходаковскаго.	- - - - -	191
О нѣкошорыхъ учрежденіяхъ въ Россіи.	369	
Нѣчто о Месмерѣ и магнетизмѣ	- - - - -	274